

УДК 811.111'37
ББК 81.2Англ-З

К.А. Насилевич

**ПРАГМАТИЧЕСКАЯ
И ГРАММАТИЧЕСКАЯ
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
СТРУКТУРЫ
КОНТЕКСТНО-СВЯЗАННЫХ
КОСВЕННЫХ
РЕКВЕСТИВНЫХ АКТОВ**

В статье доказывается, что анафорические субституты на уровне косвенно-реквестивной диалогической реплики, моделируемые в результате замещения, репрезентации и эллипсиса, демонстрируют действие закона симметрии. Закон симметрии, правила сокращения коммуникативно неактуального компонента являются универсальными при косвенном выражении реквестивного значения в диалогическом общении.

Ключевые слова: *косвенный реквестивный акт, диалогическая реплика, симметрия, замещение, репрезентация, эллипсис.*

Насилевич Каринэ Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для экономических специальностей факультета лингвистики и журналистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХа)
Тел.: 8-952-564-15-61
E-mail: karinathebest@mail.ru

© Насилевич К.А., 2012.

Для целей нашего анализа существенно выделить такие сегменты диалогического текста, в которых наблюдается повтор сказуемого, и определить их особенности. Нижней границей сегмента будем считать сложное косвенно-реквестивное высказывание, содержащее несколько элементарных речевых актов, связанных сочинительной или подчинительной связью, поскольку оно включает более одного предикативного ряда и семантически эквивалентно последовательности простых высказываний. Верхнюю границу в нашем случае определить труднее, так как действие законов сокращения распространяется лишь на короткую дистанцию и может охватывать не весь тематически связанный сегмент. В этом легко убедиться на примере (1), где адресант, ощущая значительную удаленность репрезентанта от antecedента, повторяет знаменательную часть сказуемого. Ср.: (1) «*I told them I'd look them up in Rome sometime, if I ever got there, but I doubt if I ever will. Could you look them up, I mean?*» (Helprin).

В диалогическом тексте границей сегмента будем считать не смену говорящего, а смену темы, поскольку именно единство темы является предпосылкой вторичного упоминания сказуемого. Для решения поставленной нами задачи выяснения фактов, определяющих способ выражения повторяющегося сказуемого, существенно выделить в сегменте те его части, которые содержат лексически идентичный компонент, оформленный как сказуемое хотя бы в одной из частей. Поэтому мы будем рассматривать как равноправные

различные синтаксические структуры, содержащие эти компоненты. Исследование показывает, что семантическое согласование, состоящее в анафорической субституции или эллипсисе сказуемого, происходит в результате взаимодействия только тех элементарных предикативных единиц, которые содержат лексически идентичные предикативные компоненты. Поскольку именно его структура подвергается изменению, будем называть его зависимым, а конструкцию, содержащую первое упоминание сказуемого, – опорной.

Что касается эллипсиса или репрезентации, которая является частным случаем эллипсиса, то их принято рассматривать как особый тип замещения. «Эллиптические конструкции, – отмечает Е.В. Падучева, – отличаются от конструкций с местоимениями только тем, что слово-заместитель оказывается в них нулевым» [Падучева, с. 59]. Специфика каждого из анафорических средств состоит в их взаимоотношениях с антецедентом. Нулевой заместитель охватывает либо всю группу сказуемого (2), либо только одно сказуемое (3): (2) «*I won't speak to him. Will you speak to me?*» (Brown); (3) «*Could you kindly lead me to her and her to me?*» (Koontz).

Репрезентация характеризуется как «эллипсис с сохранением представителя» [Реунова, с. 37]. Она наблюдается в зависимом предложении, когда сказуемое выражено сложной глагольной составляющей, благодаря чему его грамматическая и лексическая информация представлены расчлененно-вспомогательным или связочным глаголом и знаменательной частью. Идентичная знаменательная часть эллиптируется, а идентичная вспомогательная часть представляет на уровне предложения всю глагольную составляющую. В зависимости от характера новой, нетождественной информации глаголы-репрезентанты подразделяются на видовременные (4), связочные (5) и модальные (6): (4) «*I'll cry all the time. Will you stop crying?*» (Koontz); (5) «*He is here. Why are you looking at him like an unsuccessful doctor?*» (Clancy); (6) «*You must do something. Could you say if I must go?*» (Silverberg).

Замещение в отличие от эллипсиса во всех его разновидностях характеризуется тем, что у глагола-заместителя анафорическая отсылка входит в состав значения. Существенными являются и синтаксические различия: глагол-заместитель, занимая позицию всей глагольной составляющей, создает полную синтаксическую структуру; репрезентанты оставляют позицию знаменательного элемента глагольной составляющей эксплицитно не выраженной и тем самым создают неполносоставную структуру. Хотя во всех сегментах обсуждаемого типа лексическая часть информации сказуемого зависимой реквестивной реплики одинаково выводима, сказуемые зависимого и опорного предложений различаются степенью совпадения грамматической информации, передаваемой так называемыми темпорально-модальными указателями. При совпадении грамматических параметров степень коммуникативного динамизма оказывается ниже, чем при несовпадении этих параметров. Исследование показывает, что именно этот фактор предопределяет вы-

бор анафорических средств выражения сказуемого в зависимой реквестивной реплике.

В общем виде описываемые правила можно сформулировать следующим образом: 1) сказуемое зависимой реквестивной реплики, характеризующееся теми же грамматическими параметрами, что и антецедент, и имеющее благодаря этому низкую степень коммуникативного динамизма, подвергается эллипсису; 2) сказуемое, выражающее несовпадающую грамматическую информацию и обладающее более высокой степенью коммуникативного динамизма, репрезентируется или замещается.

Рассмотрим действие этих правил на конкретном материале.

Правило 1. Ср.: (7) «*Won't you pass here and there, here and there for a while?*» (Davies); (8) «*Will you say it to them or they to you after the first ten minutes?*» (Hillerman); (9) «*I saw Lora yesterday. It isn't a dream. Say!*» (Clancy). В примерах (7) – (9) представлены сказуемые различных типов: простое глагольное (7), усложненное (8), составное именное (9). Различаются они и по форме, связанной с коммуникативной установкой реплики (вопрос-побуждение – повествование-побуждение). Однако во всех примерах сказуемое зависимой реквестивной реплики не несет грамматической информации, отличающейся от антецедента, сигналом чего является полный эллипсис сказуемого.

Реализация Правила 2 происходит в противоположных условиях, когда известные объекты наделяются новыми свойствами в новые отношения. Ср.: (10) «*Will you invite them to the party? You never do*» (Clancy); (11) «*I am a man. Could I say you never was?*» (Silverberg); (12) «*Could you get up as quickly as you could?*» (Hornby).

На первый взгляд, наши примеры не удовлетворяют требованию наделять известные объекты новыми свойствами: сказуемые во всех репликах идентичны. Однако идентична у них не только лексическая информация. Грамматическая информация у сказуемого каждой зависимой реквестивной реплики относится к плану нового. Новое должно анализироваться здесь как контрастирующее, противопоставленное какой-то альтернативе. В примерах (10) и (11) анафорические заместители контрастируют со знаменательными глаголами по категории времени, в (12) – по модальной окрашенности действия. Как видно из сравнения примеров (10) и (11), репрезентанты и заместитель *do* в одинаковой мере используются как темпоральные указатели, обеспечивая в сумме выражение всех необходимых видовременных категорий глагола.

Что касается новой информации модального характера, то для ее выражения используется обширный класс глаголов, передающих различные оттенки отношений субъекта к действию, обозначенному смысловым глаголом. Ср.: (13) «*I'm clearing out as soon as I should. Couldn't you go?*» (Clancy); (14) «*Could you go to the party alone, but you don't want to?*» (Silverberg); (15) «*She needs to be taken for a walk. Would you like to do it?*» (Hornby).

Г.Г. Почепцов, объединивший эти глаголы в один класс глаголов-усложнителей сказуемого, разбивает их на восемь групп на основе общих

содержательных признаков. Выделяются собственно модальные глаголы, глаголы, выражающие кажимость действия (*seem*), осуществяемость (*try, attempt*), отношение субъекта к действию (*want, mean, love*) и т. д. Все эти глаголы, по мнению Г.Г. Почепцова, «отличаются признаком неполноты предикации» [Почепцов, с. 134] Вместе с полнозначным глаголом они образуют одну минимальную синтаксическую единицу – сказуемое. Эта точка зрения, хотя она не является общепризнанной в той ее части, которая касается глаголов всех перечисленных групп, кроме первой (собственно – модальные глаголы), представляется тем не менее вполне обоснованной, так как «разница между *can* в *can write* и *want* в *want to write*, – как справедливо отмечает Г.Г. Почепцов, – лежит в смысловой сфере и заключается в принадлежности соответствующих значений к различным понятийным сферам. В плане же синтаксическом роль этих глаголов одинакова [Там же, с. 138 – 139]. При этом конструкции с глаголом *want* «выражают динамическое модальное значение, основанное на уверенности, убежденности, надежде в реализации собственного желания или намерения» [Гунченко, с. 7].

Одинаковой она оказывается и при включении в диалогический текст предложений, содержащих глагол типа *want* и предварительно упомянутый полнозначный глагол. Глаголы обсуждаемого типа подобно модальным глаголам выступают в зависимой диалогической реплике как анафорические компоненты, передающие новую, невыводимую информацию. Эти особенности употребления позволяют отнести описываемые глаголы к группе репрезентативов сказуемого, вопреки установившейся традиции рассматривать в качестве репрезентанта только сопровождающую их частицу *to* [Структурный синтаксис английского языка]. Подобный взгляд сложился при изолированном рассмотрении предложения, когда не учитывались его отношения с другими частями текста. Выход за пределы предложения с усложнителем и сопоставление его с опорным показывает, что представителем сказуемого, выражающим невыводимую часть его информации, является именно усложнитель, а сопровождающая его частица *to* лишь сигнализирует об актуализации его глагольной сочетаемости в отличие от субстантивной, обозначаемой в аналогичных анафорических конструкциях местоименным заместителем. Ср.: (16) «*Do let's get a home. Only are you sure you want one?*» (Hornby).

Таким образом, мы установили, что действие коммуникативных факторов, предопределяющих замену предварительно упомянутой знаменательной части сказуемого анафорическими субститутами на уровне реквестивной диалогической реплики, реализуется в виде правил, согласно которым степень эксплицитности повторяющегося сказуемого в контекстно-связанной реквестивной реплике находится в прямой зависимости от коммуникативной актуальности передаваемой информации. Этот же фактор предопределяет, хотя и опосредованно (с учетом характера анафорического субститута) и степень структурной полноты реализующегося при этом предложения.

Следующая задача нашего исследования – выяснение степени универсальности выведенных правил. Наши наблюдения свидетельствуют, что сказуемое, содержащее предупомянутую знаменательную часть, не во всех без исключения случаях подвергается субституции. В нашей картотеке обнаруживаются случаи повторной номинации. Ср.: (17) «*I have come here to listen to your **confession**. **Could you confess?***» (Sharpe); (18) «*I heard you coming and you still can't hush your **hollering**. **Would you stop hollering please?***» (Black).

Означают ли примеры такого типа, что выведенные нами правила имеют ограниченную сферу действия? В качестве ответа на данный вопрос целесообразно сослаться на справедливое замечание И.Б. Долининой, высказанное, правда, в иной связи, относительно границ действия универсальных правил: «В первую очередь встает вопрос (если наблюдается отклонение от некоторого универсального свойства), являются ли предложения такого типа свидетельством неуниверсальности этого свойства или они говорят о влиянии других равноуниверсальных факторов. Можно считать, что если имеется возможность перечислить и предсказать все случаи отклонения от какого-либо свойства и при этом перечислить факторы, обусловившие такие отклонения, то дело не в неуниверсальности этого явления, а в том, что имеется ряд других, одинаково важных явлений, которые в каких-то случаях приходят в столкновение друг с другом. Это и объясняет каждый тип отклонений, наблюдаемый в конкретных языках» [Долинина, с. 158 – 159].

Мы полагаем, что именно так обстоит дело и с нашими правилами. Однако, чтобы доказать их универсальность, следует установить, какие не менее существенные факторы ограничивают действие выделенных правил. Эта задача важна и сама по себе – ведь если удастся обнаружить, что отклонения обуславливаются факторами равноуниверсального характера, то тем самым гипотеза о закономерной организации косвенных реквестивных актов в диалогической речи будет доказана, по крайней мере в части, касающейся косвенных просьб с предупомянутым сказуемым.

Анализ начнем с сопоставления примеров (14) и (17). В обоих примерах знаменательная часть сказуемого зависимой части сложного косвенного реквестивного акта имеет опору в предшествующей части.

В обоих случаях имеются также усложнители, способные выполнить прагматическую функцию репрезентации. Однако в (17) этого оказывается недостаточно для сокращения структуры зависимой части. Дальнейшее сопоставление примеров позволяет обнаружить существенное различие между ними. Оно состоит в соотношении структур зависимой и опорной частей. В примере (14) наблюдается идентичность синтаксических связей повторяющегося компонента с другими частями косвенного реквестивного акта, т. е. он занимает одинаковое место в структурной схеме опорной и зависимой частей, являясь и в том и в другом случае частью сказуемого. В примере (17) компонент, впервые вводящий информацию, повторяемую далее сказуемым зависимой ча-

сти, не является сказуемым. Именно в этом мы видим причину отклонения структуры зависимой части от правил сокращения. Закономерно поставить вопрос, почему такой чисто структурный фактор оказывается сильнее, чем фактор предупомянутости, выводимости информации? Дело, по-видимому, в том, что при всех видах субституции возникает необходимость в идентификации того компонента опорной части, чье лексическое значение повторяется в зависимой части, т. е. заместитель должен «найти» свой антецедент. Английские глагольные заместители (включая нулевой) интерпретируют как антецедент только простое или часть сложного сказуемого (в отдельных случаях герундий или причастие). Однако правильно идентифицировать свой антецедент субститут может только, если он действительно содержится в сказуемом опорной части косвенной просьбы. А это возможно лишь при симметричном построении обеих частей. Если, как в примере (17), это условие не соблюдается, то эллипсис знаменательной части приписал бы глаголу *want* репрезентацию *come* или *listen*, образующих группу сказуемого опорной части косвенного реквестивного акта. Необходимость нейтрализовать эту прогнозирующую способность *want to* приводит к повторению выводимого значения *confess*.

Все задействованные в данной публикации примеры с замещением, репрезентацией и эллипсисом демонстрируют действие закона симметрии (примеры 1 – 18). Повторение сказуемого в несимметричных конструкциях косвенных реквестивных актов доказывает его истинность «от противного». Все это дает основание считать, что закон симметрии является столь же универсальным фактором, сколь и правила сокращения коммуникативно неактуального компонента, и отклонения от этих правил, связанные с несимметричностью структур, есть результат столкновения одинаково универсальных закономерностей. Действие закона симметрии так же, как и правил сокращения коммуникативно неактуального компонента, может быть выявлено только, если выйти за пределы изолированного косвенного реквестивного акта, т. е. в условиях ближнего контекста. Эти закономерности относятся к уровню диалогического текста и могут быть охарактеризованы как гиперсинтаксические.

Литература

Гунченко Г.В. Речеактовые свойства базисных воликативных конструкций английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006.

Долинина И.Б. Системный анализ предложения (на материале английского языка). М., 1977.

Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974.

Почетцов Г.Г. Коммуникативный анализ структуры предложения. Киев, 1971.

Реунова О.И. Эллипсис как лингвистическое явление. Пятигорск, 2000.

Структурный синтаксис английского языка. Л., 1985.

Black T. After Anna. N. Y., 2008.

Brown C. The Hellbound Heart. L., 2002.

- Clancy T.* Patriot Games. L., 2001.
Davies R. The Rebel Angels. L., 2002.
Helprin M. A Soldier of the Great War. L., 2003.
Hillerman T. The Blessing Way. L., 2003.
Hornby N. A Long Way Down. L., 2004.
Koontz D. Intensity. L., 2001.
Sharpe T. Wilt. L., 1999.
Silverberg R. The Time of Changes. N. Y., 1997.

ЖУРНАЛИСТИКА
